

были в плену вместе с князем». И хотя тут и не отсутствовало, но все же не заметно было духовенство, из чего можно заключить, что влияние церкви на государственные дела в княжестве Морейском было невелико.

Никлийский парламент представлял теперь прямую противоположность с тем, как недавно те же люди, Гвидо из Афин и Готфрид из Каритены, должны были вымаливать милость у своего победителя Вильгардуена. Один из них был теперь защитником своего требующего освобождения ленного государя, другой был охранителем Ахайи, существование которой находилось в опасном положении. «Княгиня и господа прелаты и дворяне, — говорил герцог афинский, — хотя раньше я и восстал с оружием в руках против своего государя, сражаясь за свои права, но никто поэтому не должен думать, будто я не желаю пламенно его освобождения. Но я никогда не соглашусь на сдачу императору этих трех крепостей. Если он их получит, то так много поместит туда войска, что вытеснит нас из страны. Если нужно, то я готов самого себя отдать за освобождение князя; если же дело идет о выкупе, то я готов за него дать в залог все мои владения». Гвидо должен был бояться последствий отдачи Лаконии ради своего собственного герцогства. Если верить Морейской хронике, он стал на героическую точку зрения, когда объявил, что обязанность Вильгардуена скорее умереть, как надлежат свободному человеку и христианину, чем отдать свою страну грекам¹ Парламент, а наконец и герцог афинский заодно с ним решили принять условия императора. Так как в данную минуту не доставало в стране знатных господ, то в качестве заложниц Готфрид де Брюйер взял с собой в Константинополь двух знатных дам, Маргариту, дочь Жана де Нельи из Пассавы, маршала ахайского, и с ней сестру великого коннетабля Жана Шодрон. Дамы эти в глубоком горе, но безропотно подчинились ленному закону, который обязывал вассалов в

¹ Арагонская хроника Морей утверждает, что Гвидо подал голос за предложение это, чтобы не подумали, будто он из мести желает оставить этого князя в плену.